

Советский сюр

В Третьяковке открывается выставка Николая Вечтомова

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Юбилейный вернисаж к 80-летию знаменитого лидера советского подпольного искусства Николая Вечтомова в Третьяковке готовили долго. Критики ожидали, что наконец-то в полном объеме здесь будут представлены лучшие работы «шестидесятника-сюрреалиста-абстракциониста». Но вместо признанных красно-черных полотен Вечтомова устроители решили показать его ранние вещи: почти неизвестную графику, из которой и вырос советский вариант сюрреализма.

Экспозиция в залах на Крымском Валу называется «Поиск жанра», и почти каждый из графических листов – открытие даже для знатоков послевоенного искусства. Темные пейзажи – страшные искореженные деревья, мазки разноцветных красок без сюжета (для отвода глаз названные «Бразильский карнавал») – первые опыты советской абстракции. Лишь позднее появятся фирменные холсты Вечтомова: темные силуэты каких-то растекающихся предметов, полуразрушенных домов и колонн на красном закате. В этих работах Вечтомов только еще становится «главным советским сюрреалистом». Он отказался от сюжета, портретов и прочих фигуративных заказов. Вместо этого писал картины, которые худсоветы, не находя правды жизни, причисляли к упадническим и депрессивным.

Пережив худсоветы и советскую власть, Вечтомов до сих пор не смирился с позой застенчатого классика. Его биография могла бы послужить сценарием для масштабной голливудской эпопеи (наравне со «Списком Шиндлера» Спилберга или «Пианистом» Поланского). Окончил школу 22 июня 1941 года, в самые страшные военные месяцы попал на Сталинградскую битву, дважды был в плену и дважды бежал. После одного из побегов прошел пешком чуть не пол-Европы, добрался до Праги, где жил его дядя, знаменитый виолончелист. После войны по-

ступил в Московское художественное училище, которое через три года было закрыто за формализм, и заканчивал обучение уже в Училище 1905 года. Его однокурсниками были нынешние классики нонконформизма. Тогда же из обмена скудной информацией, журнальными картинками и настроением послевоенной депрессии сложилась так называемая Лианозовская группа – круг подпольных (неофициальных) художников, чьи лидерами стали Оскар Рабин, живший в Лианозово, и, собственно, Николай Вечтомов. Теперь об этой группе написаны многочисленные исследования, хотя сами художники устали повторять, что каждый из них занимался своим делом и никто не стремился создать движение с каким-то общим манифестом и стилем.

Сам Николай Евгеньевич уже устал отрешиваться от постоянно прилипающего к нему определения «единственный советский сюрреалист». Сюрреалистом его называют не случайно: слишком откровенно в его холстах прочитываются мотивы испанца Миро, итальянца Ди Кирико и весь набор «подсознательных приемов», обкатанных Сальвадором Дали, – когда реальность сливается с абстрактными формами. Фирменным знаком Вечтомова стали черно-красные холсты, в которых любимый советский цвет – это кровь и пламя, а черный – это «темные волны» светопреставления. В этом плане Вечтомов еще и мистик и символист, продолжающий традиции начала века.

Фокус и парадокс вечтомовского метода в том, что он, по собственному определению, был гораздо большим реалистом, чем сталинские и послесталинские бытописатели. В одном из интервью Николай Вечтомов рассказывал о своих впечатлениях от поля боя после Сталинградской битвы. По его словам, ничего более нереального, страшного и таинственного, чем та реальность, придумать было невозможно. Впрочем, одной «военной травмой» картины Вечтомова не объясняются. Вечтомовские образы, как видно из нынешней выставки «Поиски жанра» в Третьяковке, – это окраины советской реалистической картины: абстракция, экспрессия, пессимизм, граница между жизнью и смертью. То, о чем послевоенные художники знали, но боялись писать.

Веч. 58

Красный и черный – любимые цвета Николая Вечтомова.

Новые времена - 2004 - 10 нояб. - с. 5